

УДК 35 + 571. 1/5
DOI: 10.17223/19988613/68/19

Л.И. Шерстова

ЕВРАЗИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: СИБИРСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Анализируются общие элементы социальной организации, политических отношений, а также ментальности русских и сибирских народов. Делается вывод об общем источнике их происхождения, связанном с евразийским этнокультурным комплексом, сформировавшимся у населения Северной Евразии в результате миграций населения как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток. Рассматриваются такие черты евразийской ментальности, как веротерпимость, отсутствие высокомерия по отношению к народам иной этнической и культурной принадлежности.

Ключевые слова: евразийство; русская колонизация; Сибирь; Золотая Орда; аборигенные народы Сибири; социальные институты; ментальность русских и сибирских этносов.

В отечественной историографии евразийская концепция восходит к работам Н.Я. Данилевского, П. Савицкого, Н. Трубецкого, позже она получила развитие в трудах Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева. Между тем достаточно рано она оказалась политизированной и в более поздний период рассматривалась как геополитическая конструкция (А. Дугин, Н. Назарбаев). Следует отметить, что принятие или непринятие евразийства во многом зависит от мировоззренческих установок исследователей, большинство из которых воспринимают европоцентристскую картину развития человечества как единственно верную и поэтому не рассматривают ее вариативность.

Эти обстоятельства препятствовали признать тот методологический потенциал, которым обладает евразийство как объективное явление, т.е. как этнокультурный феномен, характеризующий общее этнокультурное и ментальное наследие народов Северной Евразии. Важным представляется акцент на понимании евразийства не только как процесса взаимодействия народов региона, но и как результата этого взаимодействия. Тогда *евразийство можно определить как синтез культурных явлений разновременных и разнотнических общностей как европейского, так и азиатского происхождения на территории Евразии, как результат широтных миграций населения как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток.* Вместе с населением непосредственно или опосредованно переносились культурные элементы и социальные институты, которые закреплялись у населения региона, принимая со временем собственные ментальные формы, проявляющиеся в виде ощущений, пристрастий, ценностей, т.е. неосознаваемых принципов устройства общества, отношения к власти, земле, к восприятию «других», непохожих по образу жизни и религии.

Историки Сибири отмечают, что какой-либо продуманной политики России в Сибири на ранних этапах присоединения не было, т.е. русская власть выстраивала свои отношения с местным населением, исходя из предыдущего опыта своего развития, учитывая также и особенности сибирских социумов. Успешность такого подхода проявилась очень рано, хотя бы в том, что уже в 1640-е гг. русские вышли к побережью Тихого океана, основав на сибирской территории города и остроги, приведя «под государеву руку» и объяснив значительную часть местных народов.

Взаимодействуя с народами Сибири, Москва предложила им ту форму экономической зависимости, которую она знала, исходя из собственного исторического опыта. Этот порядок взаимодействия с зависимым населением закрепился в ее политике с ордынских времен. Для развития специализированному скотоводческому обществу монголов требовались товары, которые можно было взять только у земледельческих народов. Кроме того, значительное место в дани, приносимой русскими, занимала пушнина, так как монголы с удовольствием продолжали носить традиционные одежды, сшитые из меха. В таких условиях первой заботой монголов являлся вопрос выплаты им дани, которая на Руси получила название «ордынского выхода» и позже стала называться «ясаком». Современники не раз отмечали, что главным в монголо-русских отношениях являлась забота монголов о своевременной и полной выплате дани русскими [1. С. 281, 290].

Оказавшись в Сибири, русские перенесли этот принцип и на русско-аборигенные отношения. Главной задачей московской власти было не столько «разведывание новых земель», сколько стремление «полнить волости», т.е. увеличивать число подданных – плательщиков ясака в Сибири, поставщиков, как пра-

вило, пушнины. Но взять ее можно было, только учитывая принципы организации сибирских народов, их понимание необходимости подчинения власти.

Документы ранней русской колонизации Сибири свидетельствуют о том, что к приходу служилых людей там уже существовали устойчивые податные образования. Так, в «Наказе» царя Бориса Годунова, в частности, говорится: «А которые люди живут на томской вершине (в верховьях Томи. – Л.Ш.) восьми волостей, и те люди учнут в государеву казну давати ясак» [2. С. 139]. Рядом с киргизами отмечаются Басагарские и Васюганская волости [3. С. 31]. Чуть позже в «податной» переписке Томска с Москвой фиксировалось: «Приведены (под царскую руку. – Л.Ш.) Матцкая, Кимская и Алтерская волости» [4. С. 421], «князек Базаяк с своими людьми в Обинской (Абинской. – Л.Ш.) волости» [Там же. С. 435].

Следовательно, до прихода русских в Сибири существовали собственные формы административно-фискальных институтов, целью которых была выплата дани более сильным соседям. Вся Сибирь была покрыта сеткой даннических отношений. Данниками-кыштымами сибирских ханов были вогульские, остяцкие княжества: Пелымское, Кондинское, Кодское, а также аморфное тюркоязычное население лесостепной и степной зон от Урала до Оби, часть которого одновременно была данниками джунгар. В Пегой Орде нарымских селькупов существовало два вида платежей, поступавших маргкоку (великому князю): «калан» – налог, подать, и «ерменты» – дань. Первый платили подданные маргкоков, а для плательщиков дани, как правило, завоеванных великими князьями, существовал особый термин «инбат» – данник. Инбатами правителей Пегой Орды являлись отдельные группы северных кетов (возможно, как раз с этим связан этноним одной из северо-кетских общностей), некоторые группы туруханских эвенков, отдельные общности келыты-ненцев, а также часть васюганских хантов [5. С. 159].

Мелкие тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья и Северного Алтая являлись кыштымами енисейских киргизов. В Прибайкалье буряты собирали дань с южных тунгусов, и русские застали здесь волости Гейскую, Ийскую, Верхнеокинскую и др., исправно платящие алман бурятам [6. С. 130–131]. Сами тунгусы взимали дань с кетских групп правобережья Енисея и периодически проникали к тюркоязычным кичинцам, иногда заходили в Нарымское Приобье. Данниками якутских тойонов были отдельные тунгусские и ламутские группы. Ненцы, проникая в земли обдорских хантов, также стремились собрать с них дань; те, в свою очередь, пытались обложить данью манси и селькупов. Даже на северо-востоке Сибири, в юкагирской среде [Там же. С. 170], а также у коряков и чукчей создавались условия для образования военных объединений [7. С. 31].

Служилым людям не нужно было заниматься организацией податных институтов – они уже существовали как местные административно-фискальные единицы – улусы, юрты, наслеги, роды, в основе организации которых был не размер территории, а определенное количество людей, само их наличие. Существовавшие коче-

вые империи Центральной Азии от гуннов до монголов в условиях политической нестабильности и подвижного образа жизни населения выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип *самого наличия* зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

В советской историографии проблема генезиса государственности у кочевых народов решалась либо в рамках универсальной концепции феодализма, и, следовательно, собственность на землю была главным условием этого процесса, либо выдвигалось мнение относительно собственности на скот. Одним из первых ученых, кто обратил внимание на значимость человеческих коллективов как фактора государствообразования, был Е.М. Залкинд. В 1970-х гг. он писал: «Поскольку границы кочевий не были четко определены, то пожалование уделов (при Чингисхане. – Л.Ш.) не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у номадов же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями» [8. С. 174]. Удел облекался в форму улуса. Существовало представление о том, что не величина территории или богатства составляет силу правителя. Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понималась не столько территория как таковая, сколько «*владение, народ, данный в феодальное держание*» [9. С. 118].

В рамках улуса существовал своеобразный институт *унаган-богол*. Б.Я. Владимирцов отмечал, что в результате завоевательных походов монголов в зависимость от них попадали целые роды и группы родов. Роды, зависимые от правящего рода, и составляли *унаган-богол*. С эскалацией войн появлялось все большее количество родов, племен, вообще человеческих коллективов, попавших в социально-экономическую и политическую зависимость. Они сосредоточивались во владении некоторого числа удачливых родов (семей), увеличивая, таким образом, их собственные улусы [10. С. 8].

Таким образом, центральноазиатский улус – это административное образование, в котором присутствует правящая элита, как правило, возвысившаяся семья, род, этническая группа, и зависимое от нее население, также в форме семьи, рода, этнической группы, т.е. *унаган багол*. Поэтому для такого типа социально-политической организации естественно, что улус не мог представлять из себя однородное в культурном плане образование, важно было и то, что этническая принадлежность элиты чаще всего была иной, чем большинство населения улуса.

Сибирские материалы показывают, что русские служилые люди верно понимали суть социально-фискальной организации аборигенных обществ, поэтому русские ясачные волости XVII в. образовывались по традиционному для Сибири принципу – они определялись не территорией, которую к тому же было сложно контролировать, а припиской к городу или острогу определенного количества плательщиков ясака. Следует заметить, что в русско-аборигенных отноше-

ниях достаточно рано проявлялась одна общая тенденция – если вначале аборигены соглашались платить ясак в обмен на защиту их от прежних хозяев и потому, что эта форма зависимости была для них привычной, то самоуправство и жестокость служилых людей впоследствии доводили их до массовых побегов и желания скрыться от сборщиков ясака.

Отсюда постоянно фиксируемая во множестве русских деловых бумагах XVII в. подвижность волостей, или «землиц», как обычно обозначались крупные местные этнополитические образования, которые по своей сути мало чем отличались от привычных улусов: «*Ачинские волости ясачные люди неведомо куда побежали*»; «*а та Мелецкая земля пришла к киргизам*» [11. С. 264]; «*Басагарские и Васюганская волости подошли к киргизам ближе*»; «*волости живут позади киргиз*» [3. С. 31]. В 1634 г. «*аринские татары со всеми улусными людьми... отъехали в киргизы и там кочают от киргиз себе улусом*» [11. С. 435]. Заинтересованные в данной власти внимательно следили за численной сохранностью волостей. Поэтому стоило только какой-либо из них быть записанной в окладных книгах, как куда бы она ни «уходила» и сколько бы в ней ни оставалось ясачных (а иногда в целой волости значилось лишь 2–3 человека), ее название сохранялось. Отсюда устойчивость сибирских волостей на протяжении всего XVII в. Однако стоило исчезнуть населению волости, как она прекращала свое существование. Сибирские материалы показывают механизм «прикрепления» людей: сначала к определенному виду тягла какой-либо группы населения и только со временем – к территории.

Между тем для того, чтобы русская власть восприняла такую форму организации общества, было необходимо ее понимание или наличие каких-то аналогичных элементов в устройстве собственного общества. Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монгольская административная система, как отмечал Г.В. Вернадский, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Каждый район (или поселение), способный выставить десять воинов, в сочетании с другими такими же составлял сотню (отсюда русское название сельского должностного лица «сотский»), десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали «тму» (от монгольского «тумен»). Соответственно, допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего трудоспособных (и боеспособных) мужчин – «ревизских душ» в Российской империи [12. С. 74]. Важным фактором закрепления такой системы стала перепись населения, которую ввели ордынцы. Это позволяло не только фиксировать даннические поступления в Орду, создавало условия для требования определенного числа воинов для участия русских в военных походах ордынцев, но и контролировало численность и миграции населения русских княжеств.

Такая система административного устройства была распространена не только в степных пространствах Сибири у тюркских и монгольских народов – потомков кочевых империй Центральной Азии. Они расширили ее бытование в таежную зону. Под влиянием сибирских ханов у манси и хантов население в административно-фискальном отношении делилось на сотни и десятки, при этом сотня являлась условной величиной без всякого соответствия с реальным количеством входящих в нее людей. Главным было само наличие тех, кто платил ясак в Кашлык [13. С. 100–101].

Следовательно, оказавшись в Сибири, русские обнаружили здесь функционирующую административную систему, базирующуюся на тех же принципах, что и существовавшая в московских землях. В обоих случаях она была создана под воздействием политических традиций кочевых империй Центральной Азии, но так как она уже закрепилась и на Руси, ее можно назвать *евразийской*.

Именно сходством административного устройства и одинаковым пониманием функций волостей-улусов определялись и социокультурные результаты взаимодействия русских и коренных народов Сибири. Русские, оказавшись в Сибири, встретили здесь знакомые им административно-податные образования, появившиеся в этих местах задолго до того, как территории за Уралом попали в сферу влияния Москвы. Сибирские власти не изменили характера и порядка взаимоотношений со своими новыми подданными, они не требовали от них того, чего последние понять не могли. Фактически русские XVII в. и сибирские народы (за редким исключением – чукчи, коряки) говорили на одном политическом языке, обладали схожими чертами ментальности, а Сибирь представлялась как огромное множество улусов со своими *унаган-баголами*, т.е. этническими группами аборигенов, которые были подчинены русским городам. Поэтому аборигены воспринимали русских воевод как тайшей, а войны городов за ясачных – как междоусобицы между ними. При этом культурная неоднородность населения улусов была также привычна – доминирующее положение прежних сюзеренов заменили русские власти. Главная задача состояла в переориентации выплаты ясака от прежних сюзеренов на Москву, а для этого нужно было быть (или казаться) сильнее и богаче этих последних.

Следует заметить, что несвязность населения и территории в Сибири сохранялась вплоть до реформы П.А. Столыпина, когда, наконец, были ликвидированы инородные управы (бывшие ясачные волости), некоторые из которых, не имея своей территории, тем не менее функционировали как административно-податные единицы (например, Шуйская, Кумышская инородные управы Кузнецкого уезда, Кумышская волость Томского уезда), когда административную и территориальную русско-аборигенную чересполосицу заменили унифицированные территориальные крестьянские волости. Несвязность территории и населения проявлялась и в положении аборигенного населения, проживавшего на землях, бывших собственностью Алтайского горного округа, но подчинявшихся губернской власти. Это стало одной из причин затянувшегося ме-

жевания земель в Южной Сибири, так как принятие отводных записей аборигенами происходило в присутствии чиновников как Кабинета, так и губернского правления, между которыми могли быть противоречия.

Второй принцип, который был использован Москвой в отношениях с местным населением, заключался в минимальном вмешательстве русской власти во внутренние дела аборигенного общества, его социальную структуру, образ жизни. Истоки такой политики кроются в использовании ордынцами опыта взаимодействия Китая с многочисленными варварами полиэтничных «кочевых империях» Центральной Азии раннего Средневековья. Русское государство, как Китайская империя или Древнетюркские каганаты и империя Чингисхана, формировалось как централизованное, но полиэтничное образование. Наряду с основным этносом, который выступал в качестве государствообразующего, проживали и другие народы на землях, которые также были их этнической территорией. В таких аморфных, полиэтничных государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этнуса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Для понимания евразийского контекста минимального вмешательства русской власти во внутриаборигенные дела следует обратить внимание на еще одну особенность *унаган-богола*. В его рамках, будучи несвободным даже в выборе кочевок, его население, как правило, не подвергалось постоянному вмешательству со стороны сюзерена, т.е. он практически не вмешивался во внутреннюю структуру их общества и их образ жизни. Поэтому сохранялись привычные социальные отношения и своя «аристократия», не говоря уже о внутренней социально-имущественной дифференциации [10. С. 81]. Если с этой точки зрения посмотреть на русско-монгольские отношения, то становится очевидным, что Русь воспринималась монголами как их *унаган богол*. Отсюда их в целом политика невмешательства во внутреннюю структуру русских княжеств, сохранение правящей династии Рюриковичей, постепенная замена баскаков как сборщиков дани местными князьями, что и позволило в конце концов сыграть Москве роль объединителя русских земель и начать строительство собственной государственности в рамках еще существовавшей Золотой Орды

Принцип «невмешательства» нашел свое яркое воплощение в «Уставе об управлении инородцев» (1822), согласно которому аборигены имели свои административно-фискальные образования – управы, думы, свое самоуправление, права на земли, «ими обитаемые», запрет на поселения на землях аборигенов без их согласия, у них сохранялись обычное право и свобода вероисповедания.

Из этого следует, что еще одной евразийской чертой, проявившейся в русско-аборигенных отношениях в Сибири, была веротерпимость, свойственная народам Восточной и Центральной Азии. В ее основе лежали глубоко проработанная идея социальной гармо-

нии и, согласно китайским учениям, принцип непротивопоставления одной религии другой. Создав сложные религиозно-философские системы, китайцы на бытовом уровне сохранили очень архаичные представления с развитым политеизмом и слабыми зачатками монотеизма. Из этого следовало, что появление новой религии просто дополняло существующие представления (так, буддизм удачно представил разработанную концепцию посмертного существования), а собственный пантеон пополнялся новыми богами. Универсальный принцип китайской философии *инь-ян*, в основе которого нет идеи борьбы добра и зла, не противопоставлял и религии, что и сохраняло социальную стабильность, не приводило (до определенного момента) к религиозным войнам, столь известным в истории Западной Европы.

Древние тюрки и монголы заимствовали «китайское» отношение к чужим религиям, и такая веротерпимость, в частности, была характерна для Золотой Орды по отношению к православию. [1. С. 199]. Уже во времена Чингисхана среди его подданных кроме привычного шаманизма получили распространение христианство (несторианство), ислам, буддизм. Даже принятие ислама как государственной религии Золотой Ордой при хане Узбеке не привело к гонениям на православных – их община продолжала существовать в Сарае, а русское духовенство сохраняло свои привилегии. Поэтому и русские XVII в., восприняв такой подход, на начальном этапе колонизации допускали только добровольное крещение сибирского населения. Что же касается местного населения, то исповедуемые ими анимистические и политеистические представления не противоречили включению в свой пантеон божеств иных религий, более того, в более позднее время шаманы воспринимали христианские предметы как дополнительные аксессуары, повышающие их силу.

Религиозная терпимость по отношению к представителям других религий Сибири – шаманству и исламу – дополнялась отсутствием пренебрежения или высокомерия по отношению к сибирскому населению, несмотря на культурные различия. Одним из многочисленных примеров тесных контактов на бытовом уровне является ситуация, сложившаяся после пожара в 1643 г. в Тобольске, когда город выгорел, а русские разных сословий *«живут с татарами вместе, а живучи в татарских юртах... пьют и едят из одних сосудов и в пост с ними упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают беззаконством, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей приживают»* [14. С. 309]. Следует отметить, что такая ситуация длилась 11 лет.

Причиной такого отношения к «чужим» была этническая индифферентность, устройство российского государства не по национальному, а по сословному принципу, а также убеждение в том, что культурная, а не кровнородственная связь является определением этнической близости.

Традиция «невмешательства» во внутренние дела зависимых народов начала складываться еще в древнем Китае в период Чжоу и особенно Хань, когда хуася, а затем и хань, окруженные варварами, вынуждены

были налаживать с ними мирные отношения. В средневековой китайской общественной мысли было сформулировано положение о том, что «этническая общность (*миньцзу*) как единство людей связана не только узами происхождения, но и общей культурой» [15. С. 272]. В китайской культуре, приняв конфуцианство, «варвар» становится «ханьцем». Таким образом, даже не этническая принадлежность делала «чужого» «своим», а следование «универсальному» конфуцианству. В русской традиции это нашло отражение в том, что тот, кто был «православным», являлся автоматически и «русским». Однако, учитывая, что православие части русских в Сибири было размытым и неустойчивым, главным культурным признаком, объединявшим пришлое и местное население, становятся русская бытовая культура и русский язык.

Проводимая под влиянием таких взглядов политика по отношению к окружающим народам отличалась тем, что расширение территории шло не путем ее прямого захвата, а вследствие втягивания населения в собственные экономические, политические отношения, т.е. территория такого государства увеличивалась благодаря аккультурации и только потом – присоединению новых земель. Такой процесс мог затягиваться на десятилетия, но его результат был предreshen. Эту часть восточной дипломатии русские успешно использовали в Сибири, когда сначала включали в сферу своих политических интересов население, а потом закрепляли его территорию. Так, население Причулымья было объявлено еще в начале XVII в., но контролировать их территорию и построить Абаканский острог русские смогли лишь спустя сто лет, после того как территорию покинули енисейские киргизы.

Не менее интересным является и тот факт, что полиэтничная, поликонфессиональная, поликультурная

картина российского государства не была отрефлексирована его населением. В русском языке нет термина, который бы определял специфику межэтнических отношений. В конце XX – начале XXI в. в научной и политической сферах распространение получило заимствованное понятие «толерантность». Однако тот факт, что народы России не выработали собственный особый термин, который бы характеризовал отношение к «не нашим», свидетельствует о том, что культурная мозаика была привычной и обыденной для них, и они не придавали этому значения. Отношения между людьми разных этносов были настолько естественными, как и смена российских ландшафтов, что не вызвали потребности рефлексии.

Таким образом, следует подчеркнуть, что евразийской чертой российского государства и менталитета русских были отсутствие этнической, культурной или религиозной ксенофобии, способность воспринимать чужой опыт жизни и при необходимости им пользоваться, чему имеются примеры в русско-сибирской этнографии. Рассмотрение русско-аборигенных отношений в Сибири в рамках евразийской концепции позволяет выявить некоторые общие черты как российской государственности, так и особенностей социально-политического устройства сибирских народов, что, безусловно, нашло отражение в проводимой русскими политике, которая базировалась на общих чертах евразийской ментальности. Евразийская степь, прикасаясь на Востоке с древнейшей Китайской цивилизацией, на Западе растворялась в южнорусских степях и была тем мощным мостом, по которому «кочевые империи» тюрков и монголов переносили культурные элементы, – это территория, на которой шел синтез западных и восточных ценностей, наследниками которых являются современные народы Северной Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502 / пер. с нем. С.Ю. Чупрова. М. : Центрполиграф, 2019. 415 с.
2. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск : литературно-художественный, общественно-политический и научный альманах. Томск, 1946. Март–июнь. С. 140–141.
3. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. / под ред. В.Я. Бутанаева, А. Абдыкалыкова. Абакан, 1995. 250 с.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
5. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск : Наука, 1981. 176 с.
6. Этническая история народов Севера / под ред. И.С. Гурвича. М. : Наука, 1982. 267 с.
7. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск, 2009. 444 с.
8. Залкинд Е.М. Очерки генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 242 с.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. : Изд-во МГУ, 1973. 178 с.
10. Владимирцов Б.Я. Монгольский кочевой феодализм. Общественный строй монголов. М. ; Л. : АН СССР, 1934. 233 с.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
12. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М. : АГРАФ, 2001. 480 с.
13. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. М. : АН СССР, 1955. Т. III, ч. II. С. 86–154.
14. Буцинский П. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. М. : Вече, 2012. 320 с.
15. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М. : Наука. 1979. 326 с.

Ljudmila I. Sherstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

EURASIAN MENTALITY: SIBERIAN ASPECT

Keywords: Eurasianism; Russian colonization; Siberia; the Golden Horde; Siberian aboriginal peoples; social institutions; Russians and Siberians.

The article emphasizes that Eurasianism was not only a process of cooperation of peoples in the region, but also the cooperation result. So, the *Eurasianism* may be defined as *the synthesis of diachronous cultural phenomena of polyethnic communities, with both European and Asian origin, as a result of latitudinal migrations from East to West and vice versa as well.*

Together with the population, cultural elements and social institutions were transferred directly or indirectly, which were fixed in the population of the region, taking over time mental forms that manifest themselves in the form of feelings, preferences, values, i.e., unconscious principles of the structure of society, attitudes to power, land, and the perception of "others" who are different in lifestyle and religion.

The Russians found in Siberia the forms of administrative-tax formations familiar to them from the Horde experience, a functioning system of tributary relations that existed among the local population long before the territories beyond the Urals fell into the sphere of Moscow's influence. The Siberian authorities did not change the nature and order of relations with their new subjects. Russians of the 17th century and the Siberian peoples (with rare exceptions - the Chukchi, Koryaks) spoke the same political language, possessed similar traits of mentality, while Siberia was presented as a huge multitude of *uluses* with their *unagan-bagols*, i.e. ethnic groups of aborigines, which were subordinated to Russian cities.

Moscow used another principle of relations with the peoples of Siberia, which was also the result of a rethinking of the Horde heritage, which consisted in the minimum interference of the Russian authorities in the internal affairs of the aboriginal society, in its social structure and way of life.

Another Eurasian feature of the Russian state and the mentality of Russians was the absence of ethnic, cultural or religious xenophobia, the ability to perceive someone else's life experience and, if necessary, use it, for which there are examples in Russian-Siberian ethnography.

No less interesting is the fact that the multi-ethnic, multi-confessional, multi-cultural picture of the Russian state was not reflected by its population. There is no term in the Russian language that would define the specifics of interethnic relations. Relations between people of different ethnic groups were as natural as the change in Russian landscapes, which did not cause the need for reflection.

REFERENCES

1. Shpuler, B. (2019) *Zolotaya Orda. Mongoly na Rusi. 1223–1502* [Mongols in Russia. 1223–1502]. Translated from German by S.Yu. Chuprov. Moscow: Tsentrpoligraf.
2. Pugachev, A. (1946) Drevneyshiy dokument o nashem gorode [The oldest document about our city]. *Tomsk*. March–June. pp. 140–141.
3. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (eds) (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia in the 17th – 18th centuries]. Abakan: [s.n.].
4. Müller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
5. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII v. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Selkups of the 17th century Essays on socio-economic history]. Novosibirsk: Nauka.
6. Gurvich, I.S. (ed.) (1982) *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the Northern peoples]. Moscow: Nauka.
7. Zuev, A.S. (2009) *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII – XVIII vek)* [Annexation of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
8. Zalkind, E.M. (2012) *Ocherki genezisa feodalizma v kochevom obshchestve* [Essays on the genesis of feudalism in a nomadic society]. Barnaul: Altai State University.
9. Fedorov-Davydov, G.A. (1973) *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [Social System of the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University.
10. Vladimirtsov, B.Ya. (1934) *Mongol'skiy kochevoy feodalizm. Obshchestvennyy stroy mongolov* [Mongolian nomadic feudalism. Social structure of the Mongols]. Moscow; Leningra: USSR AS.
11. Müller, G.F. (1941) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Vernadsky, G.V. (2001) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Russia]. Moscow: AGRAF.
13. Bahrushin, S.V. (1955) Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vv. [Ostyak and Vogul principalities in the 16th – 17th centuries]. *Nauchnye trudy*. 3(2). pp. 86–154.
14. Butsin'sky, P. (2012) *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Moscow: Veche.
15. Kryukov, M.V., Malyavin V.V. & Sofronov, M.V. (1979) *Kitayskiy etnos na poroge srednikh vekov* [Chinese ethnos on the threshold of the Middle Ages]. Moscow: Nauka.